

Олег Губарь

Из истории ранней застройки улицы Жуковского (Почтовой)

Мост Новикова

Территория за Карантинной балкой в направлении нынешнего парка имени Т.Г. Шевченко понемногу начала застраиваться уже в 1803-м: на генплане, в частности, отмечены три постройки в XVI квартале, в пределах нынешнего дома по улице Еврейской, № 2 (Карантинной, № 19). На городском плане 1807-го показаны в большей или меньшей степени застроенными все кварталы по четной стороне Канатной, начиная от Успенской, в том числе – отдельные постройки по Карантинной улице. При таких обстоятельствах невозможно было обойтись без мостов, тем более что они улучшали сообщение с крепостью и карантинном. Из архивных документов видно: Строительный комитет устроил деревянные мосты через балку по Еврейской и Почтовой улицам, один – ранее 1806-го, другой – весной 1809-го. Мосты эти требовали регулярно ремонта, поглощали деньги и материалы, а потому неминуемо должны были быть заменены стационарными, каменными.

В конце 1810-х по поручению ОСК архитектор Александр Дигби (старший) составил план каменного моста через Карантинную балку «одним кварталом выше существующего», рассчитав смету в 8.500 рублей. Однако даже весной 1822-го к строительству так и не приступали. 22 марта этого года в заседании Комитета отмечено: «купец Новиков подал прошение, что он с соседями давно имеет намерение построить мост через балку противу конторы коммерческого банка и что уже приготовил несколько бутового и штукового камня». Определили: полковнику Потье истребовать мнение майора Гаюи насчет плана Дигбия, обновить смету, рас-

смотреть предложение Новикова. На следующий день вопрос подробно обсуждался, резюме: «Мост в сем последнем месте, то есть по улице Коммерческого банка, есть нужнейший». Новая смета, составленная Потье, вылилась в 21.015 рублей, а Новиков согласился выстроить мост за половину этой суммы, то есть за 10.500 рублей, причем со своими материалами. Комитет определил: купцу Новикову с соседями построить мост под наблюдением Потье, а за отсутствием последнего – под надзором Гаюи. Деньги отпускать по мере производства работ. 27 апреля 1822-го были утверждены кондиции, и исполнителю выдали авансом 5.000 рублей.

22 мая Илья Новиков докладывает о ходе работ, просит отпустить деньги на строительный лес. 20 июля производство освидетельствовал вернувшийся Потье, констатировал продвижение проекта, подтвердил возможность дальнейшего финансирования. 12 февраля 1823 года в журнале заседаний ОСК зафиксировано, что под надзором Гаюи «построен им (Новиковым. – О. Г.) каменный мост, по которому более уже месяца проезд свободный». Но еще не все исполнено. Инженер-подполковник Круг отмечает: каменные работы окончены, «но столбы для фонарей еще не сделаны и подошва под сводом не приведена в надлежащую исправность». Прочность тоже можно будет оценить только весной, ибо «каменная кладка произведена в позднее осеннее время, и она должна весной еще садиться». Новиков превысил смету, так как были дополнительные работы: скажем, каменные перила вместо деревянных он не мог исполнить к назначенному сроку. Строить мост предполагалось вскладчину, деньги обещали многие соседи, но дал только купец Утенков – 300 рублей. Определили: претензии Новикова рассмотреть, работы освидетельствовать весной.

3 мая 1823-го инженер-майор Гаюи представил в Комитет смету на отделку уже находившегося в эксплуатации моста. Виды работ: оштукатурка и побелка сводов и карнизов, вымостка тротуара и устройство на мосту шоссе, установка 32-х дубовых столбиков, устройство тротуара по улице на 60 погонных саженей, а по улице – шоссе на 30 погонных саженей, установка по обеим сторонам улицы 18 дубовых столбов, посадка 18 деревьев, установка на мосту 4-х фонарей, копка канавы для стока воды через улицу на 19 саженей. Смета составила 8.500 рублей 45 копеек. Эти

Дом и мост Новикова

работы предполагалось отдать в подряд, однако торги 5, 7 и 10 мая никого не привлекли. Поэтому надо было реализовывать намеченное хозяйственным способом, что и поручили Гаюи. Правда, позднее подрядчик (Росси) нашелся, и отделочные работы продолжались с сентября 1823-го по сентябрь 1824-го.

30 июня 1824 года с одесским купцом Ильей Орловым был заключен контракт о строительстве другого каменного моста через Карантинную балку, по Еврейской улице, под надзором того же Гаюи. К 21 августа работы значительно продвинулись, и он получил очередной транш от Строительного комитета.

Макаронная фабрика и дом Розетти, недвижимость Валле, сады на склонах балки

По другую, как бы городскую, сторону балки тоже действовало производство, но пищевой промышленности – макаронная фабрика Benedetto Rozetti. Место под застройку он просил 13-го, а квиток получил 18 или 20 июня 1807-го – с оговоркой, чтоб тем же летом

приступил к застройке и за год оную завершил. Фактически же Розетти сообщил в Комитет о том, что выстроил дом и макаронную фабрику, лишь 2 февраля 1812 года. Ф. Фраполли освидетельствовал постройки, и 22 февраля застройщик получил открытый лист. Затяжка сроков исполнения вполне типична для тех лет, тем более что никто не претендовал на данный участок. Фабрика находилась в пределах нынешнего 10-этажного здания по улице Жуковского, № 10, меж Деволановским спуском и Польской.

27 октября 1813-го в Строительном комитете обсуждалась жалоба соседа Розетти, Fortunato Valle, которого называют то одесским мещанином, то иностранцем. Недвижимость последнего занимала значительную часть нынешнего 4-этажного здания по улице Польской, № 9/13. Валле пишет, что сосед сделал скат с крыши и окошки в его двор, куда выбрасывает кухонный мусор. 24 декабря Фраполли проверил жалобу и подтвердил, что она справедлива. В итоге Комитет обязал городскую полицию разобраться в ситуации, навести порядок и доложить.

20 сентября 1815-го Фраполли окончательно разграничил места по склонам Карантинной балки под садоводство, от бровки плато до подошвы, всем владельцам примыкающей к балке недвижимости: Розетти – 22½ сажений «по горе» и 30½ по балке, Валле – столько же, и нежинскому греку Федору Пондаки (его место теперь застроено 4-этажным домом по улице Бунина, № 9, и частично – упомянутым зданием по Польской, № 9/13) по горе 15, по балке 30½ сажений. А по другую сторону балки 60 сажений по горе и 30½ по балке – купцу Илье Новикову. При этом Комитет жестко указывал: места отведены исключительно под сады, любое строение «будет снято без удовлетворения».

В принципе же, сюжет об отводе склонов начался с прошения Ильи Новикова, которое обсуждалось в Комитете еще 23 марта. Канатчик пишет об обрушении земли на склоне балки, к которому примыкает его завод и дом, просит участок под сад. То есть его намерение продиктовано стремлением укрепить этот склон во избежание осыпей, оползней, обвалов, крипа. 29 апреля 1815-го Фраполли докладывает о просимом отводе склона «против № 84, 86 и 88-м», то есть напротив XI квартала: это на $\frac{3}{4}$ длины ликвидированного квартала Карантинной улицы меж

нынешними улицами Жуковского (Почтовой) и Бунина (Полицейской). Об этих местах и их владельцах мы будем говорить чуть ниже, теперь это современная застройка по Бунина, № 3, и Жуковского, № 4 (частично). 5 августа Пондаки жалуется Комитету: «Одесский купец Новиков, имеющий дом противу третьего двора, такового же купца Бендета Рассети, не знамо по какому поводу завел стену по балке, занимающую слишком 60 сажений и объемлющую пространство сих дворов помянутых Рассети, Вале и моего (...) лишает меня места к моему двору». 30 августа одесский 2-й гильдии купец Розетти и иностранец Валле тоже жалуются на Новикова, который завел по балке стену, представляющую «вредная плотину». То есть Новиков устроил подпорную стену для укрепления склона балки, что не устраивало соседей. Для нормализации отношений к общей выгоде соседям напротив тоже отвели склоны под сады.

В пушкинское время Розетти продолжал владеть описанной недвижимостью. В журнале заседания Строительного комитета от 28 сентября 1823 года отмечено, что ему разрешено перекрыть крышу дома, построенного к началу 1812-го. Даже в документах Строительного комитета Розетти, случалось, упоминали не по имени, фамилии, а просто *макаронщиком*. Отменное приготовление в Одессе этого итальянского блюда отмечал еще ранее посетивший город князь И.М. Долгорукий.

